

В. В. КУЧМА

«ТАКТИКА ЛЬВА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Византийский военный трактат, известный под наименованием «Тактики Льва», издавна привлекал к себе внимание многочисленных издателей и исследователей¹. Однако подлинно научное изучение трактата началось лишь с 90-х годов XIX в. Именно в этот период был очерчен круг основных проблем, связанных с этим источником, среди которых можно назвать следующие: авторство трактата и его датировка; соотношение «Тактики Льва» с другими военными трактатами, прежде всего с так называемым «Стратегиконом» псевдо-Маврикия; проблема ценности «Тактики Льва» как исторического источника и др.

Поскольку первая из них к настоящему времени уже утратила свою дискуссионную остроту, мы ограничимся по ней лишь некоторыми замечаниями. Третья из указанных проблем заслуживает специального рассмотрения, и в последующих работах мы намерены остановиться на ней специально. Основное внимание в настоящей статье будет уделено второй проблеме, остающейся наименее изученной в литературе.

АВТОРСТВО И ДАТИРОВКА «ТАКТИКИ ЛЬВА»

До 90-х годов XIX в. исследователи византийской военной традиции были единодушны в решении вопроса об авторстве «Тактики» — она безоговорочно атрибуировалась византийскому императору Македонской династии Льву VI Мудрому. Попытка кардинального пересмотра вопроса, предпринятая К. Э. Цахариэ фон Лингенталем², встретила резкие возражения. Первые оппоненты К. Э. Цахариэ³ обосновывали авторство Льва VI исключительно ссылками на текст самой «Тактики», не без основания считая их достаточно убедительными и даже не пытаясь искать аргументы в других источниках. Но, поскольку отголоски спора встречались и в позднейших работах⁴, отдельные исследователи сделали попытку выйти за пределы традиционного объекта полемики и поставить вопрос более ши-

¹ Подробный историографический обзор литературы см.: В. В. Кучма. «Тактика Льва» в исторической литературе. — ВВ, 30, 1969, стр. 153—165.

² К. Э. Zachariae von Lingenthal. Zum Militärgesetz des Leo. — BZ, 2, 1893, S. 606—608; *idem*. Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jhs. — BZ, 3, 1894, S. 437—457.

³ Ю. Кулаковский. Лев Мудрый или Лев Исавр был автором «Тактики»? — ВВ, V, 1898; R. Vári. Bölcş Leo császárnak «A hadi taktikáról» szóló munkája. Budapest, 1898; M. Mitard. Études sur le règne de Léon VI. — BZ, 12, 1903.

⁴ G. Buckler. Anna Comnena. Oxford, 1929, p. 525; G. Ostrogorsky. Über die vermeintliche Reformtätigkeit des Isaurier. — BZ, 30, 1929—1930, S. 394—400.

роко. Так, Г. Вернадский⁵ впервые высказал соображение о возможности сближения «Тактики Льва» с Эпанагогой и о влиянии первой на вторую. Позднее М. Я. Сюзюмов отмечал сходство в способе изложения материала в «Тактике Льва» и «Книге эпарха», а также установил связь между идеями и фразеологией сочинений Льва VI и законодательных актов Македонской династии⁶.

Рассмотрение в совокупности всех прямых и косвенных доказательств не оставляет сомнений при решении вопроса об авторстве «Тактики». Поэтому Д. Моравчик имел все основания заявить, что мнение о принадлежности «Тактики» Льву VI является «сегодня твердо установленным»⁷.

Решение вопроса об авторстве трактата предопределяет его датировку. Хронологические рамки создания «Тактики» локализируются в пределах периода царствования Льва VI. Поскольку автор трактата именует себя императором⁸, 886 год есть очевидный *terminus post quem* возникновения сочинения. Конечная дата вполне естественно определяется 912 г. — годом смерти Льва VI.

В литературе высказаны различные мнения относительно более точной датировки трактата. Наиболее раннюю предложил Ю. Кулаковский. Обратившись к XVIII главе «Тактики», где анализируются военные обычаи соседних с Византией народов, русский исследователь увидел в отрывках XVIII, 42, и XVIII, 44, указания на болгаро-византийскую войну с участием венгров на стороне византийцев. Поскольку это событие Ю. Кулаковский датирует 889 годом и указывает, что в «Тактике» еще нет упоминания о страшном поражении византийцев при Болгарофиге (892), он предлагает датировать трактат 890—891 годами⁹.

Мы полагаем, что описанные в указанных отрывках события относятся к периоду не первой, а второй болгаро-византийской войны, окончившейся подписанием мира в 896 г. Вероятно, именно этот договор имеет в виду Лев, когда пишет, что болгары уже дорого заплатили за свое вероломство и ныне подчиняются империи¹⁰. Поэтому датировка «Тактики Льва», по нашему мнению, должна быть отнесена к более позднему периоду, чем рубеж, намеченный Ю. Кулаковским.

Приблизительная датировка трактата (около 900 г.) предложена Г. Райхенкромом¹¹. Учитывая избранный автором критерий (филологический анализ языка военных команд), трудно ожидать от него более точной датировки.

Венгерские исследователи (все без исключения) относят возникновение трактата к периоду после 904 г.¹² Д. Моравчик полагает, что время возникновения трактата нельзя определить с точностью, но, «насколько кажется определенным», он был написан после нападения сарацин на Фессалонику¹³.

Нам кажется, что совершенно правильное замечание венгерского академика об исключительном внимании Льва к сарацинам не является доста-

⁵ G. Vernadsky. «The Tactics» of Leo the Wise and the Epanagoge. — Byz., 6, fasc. 1, 1931, p. 333—335.

⁶ Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962, стр. 99, 106, 113, 225 и др.

⁷ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 404.

⁸ Leonis Imperatoris Tactica, ed. J. P. Migne. — PG, t. 107, 1863 (далее — TL), XIV, 116, col. 885A—B; XV, 41, col. 897A—B; XVIII, 42, col. 956D; XX, 210, col. 1069D—1072A etc.

⁹ Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 400—401.

¹⁰ TL, XVIII, 44 col. 957A. См. об этом: Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 403.

¹¹ G. Reichenkron. Zur römischen Kommandosprache bei byzantinischen Schriftstellern. — BZ, 54, 1961, S. 18—27.

¹² Р. Вари заключал время возникновения трактата между 904 и 908 гг. (R. Vári. Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiete der mittelgriechischen kriegswissenschaftlichen Literatur. — BNGJb, 8, H. 3—4, 1931, S. 226). Однако никакой аргументации этой датировки Р. Вари не приводит.

¹³ Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 404.

точным для обоснования предложенной датировки. Арабские корсары хозяйничали на Эгейском море и давали достаточно поводов обратить на себя внимание задолго до 904 г. К сожалению, более детальная аргументация у Д. Моравчика отсутствует.

В обобщающем исследовании А. Дэна, вышедшем в свет уже после его смерти¹⁴, показано, что трактат Льва написан не в один прием, но создавался, вероятно, в течение продолжительного времени. В рукописях сохранились различные варианты плана этого сочинения, и датировка отдельных глав может быть различной. Но в целом трактат, по мнению А. Дэна, может быть датирован началом X в.

Таким образом, материал трактата не дает возможности датировать его с большей точностью, чем рубеж IX—X вв. с колебаниями в 5—10 лет в обе стороны. Установление указанных границ вполне достаточно для источников подобного рода. В условиях медленного и застойного развития военной науки в период средневековья военный трактат отражал не кратковременный период, но целую эпоху, целый этап в развитии этой науки. Поэтому колебания в одно-два десятилетия в датировке памятника не могут повлечь за собой кардинальные изменения в нашей оценке как самой эпохи, так и трактата, в котором эта эпоха отразилась.

СООТНОШЕНИЕ «ТАКТИКИ ЛЬВА» С ДРУГИМИ ВОЕННЫМИ ТРАКТАТАМИ. ИСТОЧНИКИ «ТАКТИКИ»

Являясь одним из звеньев византийской военной традиции, «Тактика Льва» вобрала в себя опыт предшествующей военно-теоретической мысли и оказала большое влияние на последующую литературу подобного жанра.

В «Тактике Льва» довольно часты ссылки на авторов древних трактатов; некоторых из них (Элиана¹⁵, Арриана¹⁶, Оносандра¹⁷) Лев называет по именам. Кроме того, Р. Вари установил, что при работе над своим сочинением Лев пользовался трудами Полиена, но не в полном виде, а в извлечениях¹⁸. Иногда Лев не называет имен, а просто излагает материал так, как об этом писали «древние тактики», «древние стратегии» или просто «древние»¹⁹.

Более пристального внимания заслуживают ссылки Льва на некоторые источники и лица, которые Лев именует «новыми» (οἱ νεώτεροι)²⁰. О своем отношении к «древним» и «новым» авторам, а также о взаимоотношениях между ними Лев пишет в VII главе трактата²¹. Он указывает, что «древние» (при этом упомянуты Элиан и Арриан) оставили весьма ценные и полезные указания в области военного дела. Однако их сведения уже значительно устарели, и Лев намерен изложить их весьма кратко. С другой стороны, многое из древних тактик переработано «новыми» авторами, и именно на них в первую очередь он опирается в своем трактате, в частности в VII его главе. Таким образом, Лев прямо указывает, что именно сочине-

¹⁴ A. Dain. Les stratégistes byzantins. Travaux et mémoires, 2. Paris, 1967, p. 317—392.

¹⁵ TL, VI, 30, col. 729D. О способах использования Львом сочинения Элиана см.: A. Dain. Histoire du texte d'Elie le Tacticien. Paris, 1946, p. 134—147.

¹⁶ TL, VII, 86, col. 760D.

¹⁷ TL, XIV, 112, col. 884B.

¹⁸ R. Vari. Die «Praecepta Nicephori». — BZ, 30, 1929/30, S. 52.

¹⁹ TL, VII, 28, col. 8 740D (τῶν ἀρχαίων); XI, 29, col. 800D (οἱ ἀρχαῖοι); XIV, 94, col. 877D (τῶν παλαιωτέρων τακτικῶν); XVII, 2, col. 913B-C (ἀρχαῖός ποῦ διδάσκει λόγος ἡμᾶς); XVII, 16, col. 917A (παρὰ τῶν παλαιῶν στρατηγῶν); XVII, 91, col. 937A (οἱ παλαιότεροι τῶν τακτικῶν); XVIII, 1, col. 945A (πάλαι στρατηγοί) и т. д.

²⁰ TL, IV, 55, col. 712 A; VI, 37, col. 733 A-B, VII, 52, col. 749 A; XII, 74, col. 828 C; XIV, 112, col. 884B; XIV, 113, col. 884C; XV, 1, col. 885C; XV, 26, col. 893 C-D.

²¹ TL, VII, 86, col. 760D-761A.

ния «новых» авторов были его основным источником; сведения «древних» приводятся им лишь в качестве дополнительного (и прежде всего сравнительного) материала.

Кто же такие эти «новые» авторы? Первую (и единственную, насколько нам известно) попытку решения вопроса предпринял Р. Вари²². Он предположил, что во всех этих случаях Лев имеет в виду «Стратегикон» псевдо-Маврикия²³, свой основной источник. Откуда же тогда странная терминология Льва? Вари полагает, что автор «Стратегикона» (Р. Вари именуется его Урбикием) составил свой трактат в виде единого сводного труда, куда вошло все то, что имеет отношение к военному делу. Лев VI рассматривал свой источник в качестве сводной работы и не связывал его с определенным автором. Именно этим, подчеркивал Р. Вари, объясняется то странное и казавшееся необъяснимым обстоятельство, что Лев, упоминая свои заведомо второстепенные источники, не называет ни разу главного²⁴.

Это предположение можно проверить сравнением тех отрывков, где упоминаются «новые» авторы, с данными «Стратегикона». Сравнение показывает, что во всех случаях, когда Лев делает ссылку на «новых» авторов, он сообщает сведения либо аналогичные, либо буквально совпадающие со сведениями «Стратегикона».

Кроме названных, Лев пользовался еще некоторыми источниками, идентификация которых чрезвычайно затруднена. Еще в 1937 г. А. Дэн пришел к выводу, что вся глава V трактата Льва построена на основе неизвестного нам письменного источника²⁵; в последней своей работе А. Дэн затрудняется также в определении источников некоторых пассажей глав III и IV²⁶. Здесь же отмечено, что Лев не мог найти письменного источника и при работе над XIX главой трактата, посвященной ведению войны на море²⁷.

Особый интерес представляет V глава «Тактики». Сравнение ее со следующей, VI, главой показывает, что по содержанию в них много общего: за некоторыми частными отклонениями в них перечисляются одни и те же виды вооружения и снаряжения стратиготов. В свою очередь VI глава «Тактики» имеет прямые аналогии во 2-й главе I книги «Стратегикона»²⁸. Следовательно, материал для создания V главы Лев черпал в том же «Стратегиконе». Тем не менее V глава существенно отличается от всех других глав как «Стратегикона», так и «Тактики».

Во-первых, она (единственная в «Тактике» с начала и до конца) адресована не стратигу-военачальнику, руководителю военной экспедиции, а стратигу как главе фемы, и это специально подчеркнуто Львом²⁹. Во-вторых, в этой главе реализована совершенно независимая от «Стратегикона» идея: дать фемному стратигу развернутый план мобилизационных мероприятий по подготовке к войне.

²² R. Vári. Zur Überlieferung mittelgriechischen Taktiker. — BZ, 15, 1906, S. 47—87.

²³ Трактат, известный в литературе под наименованием «Стратегикона» Псевдо-Маврикия, породил громадную критическую литературу и до сих пор остается объектом ожесточенных научных споров. Сведения об авторстве и датировке трактата были суммированы нами в статье «Византийские военные трактаты VI—X вв. как источники по истории военного искусства Византийской империи». — АДСВ, вып. 4, 1966. В последнее время возрождается тенденция атрибутировать «Стратегикон» императору Маврикию. См.: А. Dain. Les stratégistes byzantins, p. 344—346; H. Mihăescu. Prolegomènes à une édition critique des *Taktiká-stratēgiká* de Maurice-Urbicius. — RESEE, V, 1967, p. 401—417; А. Dain. Urbicius ou Mauricius? — REB, 26, 1968, p. 123—136; З. В. Удальцова. Еще раз о «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия. — СВ, 32, 1969, стр. 61—76.

²⁴ R. Vári. Zur Überlieferung mittelgriechischen Taktiker, S. 82—83.

²⁵ А. Dain. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, 1937, p. 42.

²⁶ А. Dain. Les stratégistes byzantins, p. 356.

²⁷ Ibid., p. 356—357.

²⁸ Cp. Arriani *Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*, ed. J. Schefferus. Upsaliae, 1664 (далее — *Strategicon*). I, 2, p. 20 sq.; TL, IV, 4, col. 717 C=D; TL, VI, 2, col. 724B=C; VI, 8, col. 724B.

²⁹ TL, V, 2, col. 717B.

Вероятно, наличие этих новых, не связанных со «Стратегиконом» идей позволило А. Дэну выделить V главу трактата и поставить вопрос о ее дополнительных источниках. Интересно отметить, что позиция А. Дэна претерпела изменения: если в 1937 г. он вовсе обошел вопрос о возможной самостоятельности Льва при написании V главы, то в последней работе он говорит о том, что в данном случае Лев мог заменить недостающий письменный источник «апелляцией к своим мыслям, вернее к своей начитанности»³⁰.

Последнее предположение представляется нам более вероятным. В этом случае становится понятной особая манера изложения материала в этой главе, когда Лев дважды³¹ ссылается на возможные упущения по забывчивости. Такие скрытые сөгования на недостатки человеческой памяти были бы необъяснимы для человека, располагающего письменным источником.

Косвенным доказательством отсутствия у Льва дополнительного письменного источника при работе над V главой является, на наш взгляд, и весьма скромный объем этой главы, одной из самых кратких в трактате. Писательский метод Льва достаточно хорошо известен, и мы можем предполагать, что, если бы он имел под руками письменный источник, факты и идеи которого соответствовали его эпохе, он бы не замедлил изложить этот источник весьма близко к тексту. Но, будучи образцом византийского эрудита, преклоняющегося перед авторитетом написанного слова, Лев был весьма щепетилен в отношении собственного стиля. При изложении своих идей Лев всегда проявлял максимум осторожности и еще больший максимум краткости — даже в ущерб ясности вопроса.

В качестве дополнения — еще один штрих. Именно в V и XIX главах трактата Лев упоминает особый вид оружия, который был в употреблении в его время, но еще не был известен автору «Стратегикона». Мы имеем в виду так называемый «греческий огонь». Знаменательно, что он упоминается именно в этих (и только в этих!), наиболее независимых главах трактата. Очевидно, отступив от текста «Стратегикона» в главном — в идее, Лев позволил себе отступления и в некоторых деталях фактического характера.

Отмеченные главы составляют небольшую часть сочинения Льва. Основной его трактат послужил «Стратегикон», и зависимость Льва от сочинения своего отдаленного предшественника не может вызвать ни малейших сомнений. Основная дискуссия, не прекратившаяся до наших дней, развернулась по другому вопросу: является ли сочинение Льва только копией «Стратегикона» или же его сознательной и целенаправленной переработкой?

Отсутствие специальных исследований по вопросу о соотношении «Тактики» и «Стратегикона» затрудняет преодоление того скептического и настроенного отношения к «Тактике», которое еще господствует в литературе. Реабилитация столь крупного и богатого по содержанию источника, каким является «Тактика», способствовала бы более глубокому и всестороннему пониманию специфики раннефеодального периода византийской истории.

ЗАДАЧИ И СТРУКТУРА «ТАКТИКИ ЛЬВА»

Следуя установившейся в византийской военной литературе традиции, Лев предваряет свой трактат введением, где формулирует свою задачу — на основании предшествующих военно-научных и исторических трудов собрать воедино все то, что в его время применимо и практически необходимо³². Следовательно, Лев имел в виду создать такое военное руководство,

³⁰ А. Dain. *Les stratégistes byzantins*, p. 356.

³¹ TL, V, 12, col. 720D; V, 14, col. 721A.

³² TL, Προοίμιον, col. 676.

какие, по сообщению Константина Багрянородного, имели византийские императоры в своих походных библиотеках во время военных экспедиций ³³.

Если автор «Стратегикона», излагая весь свой практический боевой опыт, создает произведение лишь узкоприкладного характера, то Лев придает своей «Тактике» более общий тон. Не лишая свои сведения практического характера, он стремится дать им теоретическое обоснование. Не ограничиваясь позитивным изложением основ военной науки, Лев делает сильный акцент на воссоздании идеальной картины практической реализации этих основ в условиях боевой действительности. На протяжении всего повествования Лев не только дает описание конкретного элемента военной науки, но и вскрывает причины именно такого, а не иного его состояния. Вместе с тем, рисуя идеальную картину вооружения воина, отдельный тактический прием, конкретный принцип осады или обороны города и т. д., автор «Тактики» предоставляет полководцу широкую инициативу в выборе методов и способов достижения этого идеала в зависимости от требований места, времени и «природы вещей».

В отличие от автора «Стратегикона», который не придерживался четкого плана при составлении своего труда, Лев излагает свой предмет достаточно последовательно. Подражая лучшим образцам военно-теоретической литературы, Лев начинает трактат с изложения некоторых общих принципов, давая определения и раскрывая содержание понятий тактики, стратегии и т. д. В конце I главы он переходит к характеристике стратега, продолжая ее на всем протяжении II главы. В III главе речь идет о военном совете при полководце. Далее следует ряд глав, раскрывающих структуру, состав, вооружение воинских подразделений, способы их обучения, порядок совершения маршей; отдельно рассказывается об обозе и лагерьном устройстве (главы IV—XI). Покончив с этим, Лев дает серию глав, посвященных непосредственно военным действиям, — подготовке к войне, ведению ее, использованию ее последствий (главы XII—XVII). Сюда же примыкают глава XVIII, рассказывающая о военных обычаях соседних с Византией народов, а также глава XIX, посвященная войне на море. Глава XX является итоговой, суммирующей основные мысли автора. Трактат заканчивается развернутым эпилогом ³⁴.

Как мы видим, структура трактата отличается четкостью. Логичность и строгая последовательность позволяют автору уклоняться от повторений, неизбежных при ином способе изложения, повторений, которыми так полон «Стратегикон». Такой план трактата Льва не является, очевидно, возникшим случайно, но выработан автором сознательно. Известно, что созданию «Тактики» предшествовала работа Льва над «Проблемами» — самым ранним его сочинением в жанре военной литературы. «Проблемы» представляют собою своеобразный катехизис по военному делу, где ответы на поставленные вопросы текстуально воспроизводят соответствующие разделы «Стратегикона». Первый издатель этого сочинения А. Дэн ³⁵ подчеркнул, что во всей византийской военной традиции не имеется больше памятников подобного рода. Работа над «Проблемами» способствовала тому, что Лев глубоко изучил «Стратегикон», положенный им впоследствии в основу «Тактики». Он великолепно ориентировался как в сочинении своего предшественника, так и в своем собственном труде, громадном по объему; об этом свидетельствуют его многочисленные замечания типа «как уже сказано выше», «как будет сказано ниже» и т. д., а также частые отсылки чи-

³³ *Constantini Porphyrogeniti imperatoris de cerimoniis aulae Byzantinae libri duo*, rec. I. I. Reiske, I. Bonnae, 1829, p. 467.

³⁴ Такова окончательная структура трактата, известная по рукописям Vindobonensis phil. gr. 275 и Parisinus gr. 1385. О наличии более раннего варианта плана, отраженного в рукописи Laurentianus LV-4, см.: А. Дэн. *Les stratégestes byzantins*, p. 355.

³⁵ А. Дэн. *Leontis VI Sapientis Problemata*. Paris, 1935.

тателя к той или иной главе ³⁶. Единственное крупное повторение автору трактата пришлось допустить в главе XIV, где многие описания боя совпадают с описаниями воинских упражнений, о которых рассказывалось в главе VII. Впрочем, на эти повторения Лев идет сознательно: он использует этот факт для того, чтобы лишний раз подчеркнуть чрезвычайную важность воинских упражнений в условиях максимальной приближенности к особенностям войны ³⁷. Кроме того, часть материала главы V повторяется в главе VI.

При переходе от одной главы к другой Лев обычно подводит итог предыдущему материалу и сообщает содержание очередной главы. Такая система «перекидных мостиков» также выгодно отличает трактат Льва от «Стратегикона», автор которого вовсе не затрудняет себя стремлением изложить материал последовательно и компактно. Лев проявляет себя способным к более четкой и последовательной компоновке материала и поэтому счастливо избегает многих недостатков «Стратегикона».

СПОСОБЫ ПЕРЕРАБОТКИ ЛЬВОМ СВЕДЕНИЙ «СТРАТЕГИКОНА»

Уже первого взгляда на сравниваемые источники достаточно для вывода о том, что объем «Тактики» более чем в 2 раза превышает объем «Стратегикона». Возникает вопрос о причинах этого явления.

По замечанию А. Дэна ³⁸, текст парафраза всегда больше своего оригинала — это вполне нормальное явление. Было бы трудно, однако, ожидать, что только в этом заключается причина увеличения объема «Тактики». На основании собственных подсчетов мы приходим к выводу, что объем «Тактики» по сравнению с оригиналом возрастает за счет парафраза в небольшой степени — этот прирост составляет в целом по трактату максимум 30% текста.

Другим теоретически возможным способом увеличения трактата может явиться введение в него нового фактического материала, отсутствовавшего в оригинале, иллюстрирующего общие положения военной науки практикой конкретных военных экспедиций. Однако анализ содержания «Тактики» свидетельствует, что Лев не шел этим путем. Крайняя скупость Льва на исторические примеры, факты и параллели давно подмечена исследователями ³⁹. Следовательно, и не в увлечении фактическим материалом заключается главная причина возрастания объема «Тактики» по сравнению со «Стратегиконом».

Эта причина состоит в существенном отличии «Тактики» от «Стратегикона» по содержанию. Взят за основу своего сочинения сведения «Стратегикона», Лев отнесся к ним весьма осмотрительно, передумав и переработав их в трех основных аспектах. Во-первых, он совершенно изменил план «Стратегикона», порядок изложения его материала, разработав более четкую и стройную структуру своего сочинения. Во-вторых, он критически переосмыслил сведения своего предшественника и либо опустил полностью целый ряд устаревших положений, либо детализировал и уточ-

³⁶ TL, XII, 125, col. 840D; IX, 4, col. 768D; XIV, 93, col. 877C; XVII, 63, col. 929A; XVII, 70, col. 932A и т. д.

³⁷ TL, XIV, 73, col. 872D—873A.

³⁸ A. Dain. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos, p. 44.

³⁹ См., например: Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 402. Кроме Василия I и Никифора Фоки (Старшего), упоминания конкретных исторических лиц и событий у Льва буквально единичны. Так, при описании вооружения пехоты Лев упоминает Александра Македонского, а также македонскую фалангу и длинное копье, которым были вооружены ее воины (TL, VI, 34, 37, 39, col. 732—733). Рассказывая об организации внезапного ночного нападения, Лев упоминает один из эпизодов войны Ираклия с аварами (TL, XVII, 18, col. 917B). Кроме того, ряд исторических фактов изложен в XVIII главе, что объясняется самим ее характером.

нил те из них, которые продолжали иметь силу. В-третьих, — и это самое главное — Лев ввел в свой трактат много нового материала, отсутствовавшего в «Стратегиконе», материала, характеризующего современную Льву действительность. Изменившееся содержание повлекло за собой и изменение объема трактата. Буквальные заимствования из «Стратегикона» составляют меньшую часть «Тактики»; основная масса материала так или иначе перерабатывается.

Очень часто материал «Стратегикона» подвергается *стилистической правке*. Местами Лев стремится избежать некоторых высокопарных или неуклюжих выражений автора «Стратегикона», в других случаях изменяет и уточняет его терминологию. Внимательно сравнивая главу XVIII «Тактики» и аналогичную ей книгу XI «Стратегикона», где речь идет об обычаях соседних с Византией народов, Д. Моравчик⁴⁰ отметил, что эта стилистическая правка является свидетельством стремления Льва приспособить материал «Стратегикона» к потребностям своего времени.

Исключение устаревших сведений Псевдо-Маврикия и его исторических сравнений — другой метод переработки Львом материала «Стратегикона». Наиболее часто опускаются сведения о народах, сообщаемые автором «Стратегикона» в качестве справочного материала. Так, мы не находим у Льва упоминания Псевдо-Маврикия об аварах⁴¹, «турках»⁴², персах и римлянах⁴³, скифах⁴⁴ и т. д. Упоминание этих народов было бы явным анахронизмом для рубежа IX—X вв. Столь глубокие исторические аналогии не входили в задачу Льва, ибо они ничего не говорили современному ему читателю. Поэтому Лев, сохраняя основной смысл своего источника, вполне безболезненно опускает ничего не говорящие детали.

Многочисленные *дополнения и уточнения* характеризуют третий путь переработки Львом трактата своего предшественника. Так, отрывки VI, 4—5 (col. 724 A) и VI, 11 (col. 724 C) не имеют прямых аналогий в «Стратегиконе». Рассказывая о снаряжении кавалерии, Лев добавляет описание особых подвесок, прикрывающих животы лошадей⁴⁵. Заботясь о компактном изложении материала, Лев вводит в свою IV главу характеристику мандаторов, лохагов, секундгов и эпистатов, урагов, энедров и потофилаков⁴⁶, сведения о которых отсутствуют в 3-й главе I книги «Стратегикона». Многие краткие и брошенные вскользь замечания своего предшественника Лев снабжает развернутыми характеристиками. Так, он подробно обосновывает необходимость построения молодых воинов вперемежку с ветеранами⁴⁷. Так же более развернуто и детально представлены материалы 1-й главы II книги «Стратегикона» в главе XII «Тактики»; при этом отрывки XII, 14, 20, 24 являются вставками, не имеющими прямых аналогий в «Стратегиконе».

ЭЛЕМЕНТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В «ТАКТИКЕ» И ЕГО ПРИЧИНЫ

Представляет большой интерес выявление самостоятельных, независимых от «Стратегикона» мест трактата Льва. Наличие таких мест в трактате — лучшее опровержение высказанных исследователями обвинений Льва в крайней несамостоятельности и слепой зависимости от текста своего источника.

⁴⁰ Gy. Moravcsik. La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise. — «Acta historica Academiae Scientiarum Hungaricae», I, 1952, p. 161—184.

⁴¹ Strategicon, I, 2, p. 21; ср. TL, V, 4, col. 717 C-D.

⁴² Strategicon, I, 2, p. 24.

⁴³ Ibid., II, 1, p. 47.

⁴⁴ Ibid., p. 49.

⁴⁵ TL, VI, 8, col. 724 B; ср. Strategicon, I, 2, p. 22.

⁴⁶ TL, IV, 16, 17—19, 27—28, col. 704.

⁴⁷ Strategicon, I, 5, p. 33; TL, IV, 40, col. 708 B-C.

Выше нами уже были отмечены отдельные главы и пассажи «Тактики», не связанные со «Стратегиконом». При характеристике V главы этого трактата мы имели возможность видеть, что новые, оригинальные идеи сохраняют в изложении Льва старую словесную форму. Эта черта является характерной для трактата в целом. Поэтому, говоря о том новом, что отличает «Тактику» от «Стратегикона», мы будем вести речь именно о *новых идеях*; что же касается формы их изложения, их словесной оболочки, то она, как правило, заимствуется Львом у Псевдо-Маврикия.

Прежде всего следует подчеркнуть, что все новые идеи рождены существованием фемного строя⁴⁸, ибо Лев был современником этого особого периода в организации вооруженных сил раннефеодальной Византии. Рассматриваемый нами трактат дает наиболее полное и детальное отражение фемных порядков, сообщая ценные сведения о принципах набора фемной армии, о ее социальном и национальном составе, о численности фемного войска, о структуре аппарата фемной администрации, о правах, обязанностях и привилегиях стратиотов и т. д. Многие из этих сведений являются уникальными, ибо не имеют аналогий в других памятниках византийской военной литературы. Подтверждение их в источниках другого характера не оставляет сомнений в достоверности этих известий.

Сущность фемной военной организации рисуется в «Тактике Льва» в следующих основных чертах.

Трактат свидетельствует о том, что обязанность военной службы была возложена на особую категорию свободного земледельческого населения (стратиотов), проживающего в пределах данной фемы и владеющего земельным участком или имуществом определенной ценности. Стратиотские участки, как и другие земли в империи, не были освобождены от обязательного поземельного обложения и, вероятно, азрикона⁴⁹. Никаких других денежных налогов стратиоты не выплачивали⁵⁰. При мобилизации стратиота в его хозяйстве должны были оставаться другие лица, способные обрабатывать землю и снабжать воина всем необходимым⁵¹. Стратиоты выступали в поход, окруженные родственниками, домашними и слугами, а в строю старались расположиться родовыми группами. Связь между стратиотами, обусловленная поземельно-родовыми отношениями, продолжалась и на войне. Система воинских участков вносила в военную организацию черты родового и общинного быта, не зафиксированные в «Стратегиконе», и автор «Тактики» рекомендует стратигу использовать это обстоятельство с целью укрепления дисциплины и боеспособности армии⁵².

В «Тактике» находит свое отражение рекомендация, известная нам из других нарративных источников: после похода, распределив среди воинов захваченную добычу, стратиг отпускал воинов по домам до следующей весны⁵³.

Высказанная в «Стратегиконе» в общем виде мысль о том, что не следует собирать большое войско в одном месте, если отсутствует угроза непосредственной опасности со стороны врага⁵⁴, получает в изложении Льва законченное обоснование. Воспользовавшись предложением, Лев объясняет стратигу опасность длительного пребывания войска в собственной земле и предлагает поспешить с вторжением на вражескую территорию. Если такой возможности не имеется, нужно не допустить, чтобы войско было праз-

⁴⁸ То важнейшее обстоятельство, что Лев знает фемный строй, было впервые (но только в общей форме) подчеркнуто Р. Вари (*R. Vari. Zur Überlieferung mittelgriechischen Taktiker*, S. 75).

⁴⁹ TL, XX, 71, col. 1032 C.

⁵⁰ TL, IV, 1, col. 700 A.

⁵¹ Ibidem.

⁵² TL, IV, 39, col. 708 B.

⁵³ TL, XVI, 45, col. 809 C-D.

⁵⁴ Strategicon, I, 9, p. 40.

дным, а для этого следует организовать регулярные воинские учения⁵⁵. Бездеятельность воинов, по мнению Льва, может оказать на них пагубное влияние и явиться причиной неповиновения и даже мятежа⁵⁶.

Вопросу о воинских упражнениях автор «Тактики» уделяет специальную главу (глава VII) и неоднократно возвращается к этой теме на протяжении всего повествования. Круг военных навыков, которым обучали стратиготов, наглядно демонстрирует невоенный характер их основных занятий в мирное время. Нарративные источники того времени рисуют нам картины воинских учений, совпадающие с этими рекомендациями⁵⁷.

Будучи призванным на военную службу, стратигот был обязан экипироваться за свой счет. Если он это не сделал заблаговременно, ему представлялась дополнительная возможность обзавестись всем необходимым непосредственно перед походом. Для этого стратигот обязан позаботиться о том, чтобы к месту стоянки войска были доставлены для продажи лошади и военное снаряжение⁵⁸. В войске следует иметь ремесленников различных специальностей, в частности кузнецов и мастеров по обработке металла⁵⁹, способных прямо на месте организовать выделку наиболее простых элементов вооружения, снаряжения и средств транспортировки.

Фемная сухопутная армия Византии делилась на два основных рода войск — пехоту и кавалерию. В «Тактике» упоминается, как правило, войско смешанное, состоящее из конных и пехотных подразделений⁶⁰.

Представляют интерес данные о численности конных подразделений, отличающиеся от сведений «Стратегикона». Лев определяет численность конного войска одной фемы в 4 тысячи человек и такой отряд считает нормальной боевой единицей⁶¹. Однако в некоторых случаях рекомендуется выставить войско в 12 тыс. человек, т. е. армию трех фем⁶². Лев призывает армию в 5—12 тыс. человек вполне достаточной для борьбы с неприятелем⁶³.

Что касается пехоты, то здесь цифры Льва крайне неопределенны. В одном месте⁶⁴ он указывает на 24 тысячи пехотинцев как на максимум пешего войска.

Чрезвычайно ценными являются сведения Льва о структуре и численности фемной военной администрации.

Высшая военная власть в государстве принадлежала императору⁶⁵. Верховный военачальник фемной армии, именуемый стратиготом, обязан следовать распоряжениям императора.

Термин «стратиг» употребляется в трактате в двух основных значениях⁶⁶. С одной стороны, стратиг есть высшее должностное лицо фемы, глава ее военной и гражданской администрации⁶⁷. С другой стороны,

⁵⁵ TL, IX, 1—2, 4, col. 768.

⁵⁶ TL, IX, 3, col. 768 C-D.

⁵⁷ Особенно много таких описаний у Льва Дьякона в его «Истории» (*Leonis diaconi Caloënsis historiae libri decem*. . . e rec. C. V. Nasii. Bonnae, 1828, III, 1, p. 36; V, 2, p. 78; VII, 9, p. 127 и др.).

⁵⁸ TL, VI, 23, col. 725 D-727 A.

⁵⁹ TL, V, 7, col. 720 A-B.

⁶⁰ Насколько нам известно, упоминание TL, IX, 58, col. 781 D о вторжении во вражескую страну исключительно пешего войска является единичным; здесь говорится об особых условиях местности, когда применение кавалерии нецелесообразно. В других местах, где упоминается только пешее войско (VII, 78, col. 757 C; XI, 15, col. 796 C-D), речь идет о временном разделении конницы и пехоты в связи с особыми обстоятельствами войны.

⁶¹ TL, XVIII, 143, col. 981—984.

⁶² TL, XVIII, 150, col. 988 B.

⁶³ TL, XII, 32, col. 816 A.

⁶⁴ TL, IV, 67, col. 713 D.

⁶⁵ TL, I, 9, col. 680 D; IV, 7, 8, col. 701 B-C.

⁶⁶ Э. Гликаци-Арвейлер (*Recherches sur l'administration de l'Empire byzantine aux IX—XI siècles*. Paris, 1960, p. 36) не учитывает двойного смысла этого термина, что приводит исследовательницу к ошибочным выводам о субординации его (стратига) подчиненных.

⁶⁷ TL, I, 10, col. 680 D; 14, col. 681 A.

термин «стратиг» прилагается к главнокомандующему вооруженными силами империи на случай войны⁶⁸. Зачастую эти оба звания совмещались в одном лице: глава фемы становился главой войска в определенных условиях военной кампании. Однако могли быть и несовпадения. На высший военный пост мог быть назначен не обязательно генерал-губернатор фемы, а кто-либо из числа императорских приближенных — нарративные источники неоднократно указывают на такие случаи. В свою очередь главнокомандующий не обязательно имел звание стратига⁶⁹.

Требованиям, предъявляемым к стратигу (в данном случае речь идет не о генерал-губернаторе фемы, а о главнокомандующем), Лев отводит специальную большую главу⁷⁰.

В подчинении стратига находились мерархи (турмархи), назначаемые на должность императорским распоряжением⁷¹. Далее следуют друнгарии, комиты и кентархи, образующие разряд средних архонтов. Декархи, пентархи и тетрархи относятся к числу младших архонтов.

При назначении на архонтские должности Лев рекомендует учитывать способности, опыт, личные достоинства, благонадежность и — что является самым важным — благородство и материальное положение⁷².

На фемное конное войско средней численности (4 тысячи человек) полагался следующий штат архонтов: 1 стратиг, 2 турмарха, 4 друнгария, 20 комитов, 40 кентархов, 80 пентеконтархов, 400 декархов, 800 пентархов — итого 1347 архонтов⁷³.

Офицерский состав войска был непостоянным. Назначение на должность производилось только на время данной кампании, и исполнение ее прекращалось с концом войны⁷⁴.

Кроме армейских должностей, ценно упоминание Львом основных должностных лиц фемной канцелярии (комит когорты, доместик фемы, протонотарий, хартуларий), названных автором трактата помощниками стратига по экспедиции. При этом специально подчеркнуты широкие судебные полномочия претора и его право непосредственной апелляции к императору⁷⁵.

Тактические воззрения Льва находятся под воздействием оборонительных тенденций, господствовавших в военной доктрине византийцев на рубеже IX—X вв.⁷⁶ Этим они заметно отличаются от воззрений автора «Стратегикона». Серьезная внешнеполитическая обстановка, в которой находилась империя, заставила правительство отказаться от широкой военной экспансии и уделить больше внимания сохранению боеспособности армии. Кроме того, правительство было вынуждено проявлять большую заботу о сохранении своей армии с тех пор, как в ней стал преобладать национальный элемент. Неоправданные людские потери могли нанести ущерб экономике империи, так как в период мирного времени стратиотское сословие было значительной экономической силой⁷⁷. В «Тактике» уже содержится мысль, получившая свое развитие в аграрном законодательстве Македонской династии, о том, что сословия воинов и земледельцев суть наиболее важные группы населения в государстве и именно о них в первую

⁶⁸ TL, I, 9, col. 680 D; IV, 7, col. 701 C.

⁶⁹ См. об этом: R. Guillard. *Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Les termes désignant le commandant en chef des armées byzantines.* — *ΕΕΒΣ*, τστος χθ', 1959, σελ. 35—77.

⁷⁰ См.: В. В. Кучма. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва». — *АДСВ*, вып. 3, 1965.

⁷¹ TL, IV, 43, col. 708 D.

⁷² TL, IV, 3, col. 700 B-C.

⁷³ TL, XVIII, 149, col. 988 A-B.

⁷⁴ См.: Ю. Кулаковский. Друнг и друнгарий. — *ВВ*, IX, 1902.

⁷⁵ TL, IV, 30—31, col. 705 A-B.

⁷⁶ См. об этом: В. В. Кучма. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва», стр. 103 сл.

⁷⁷ TL, IV, 1, col. 697 D-700A; XX, 71, col. 1032 C.

очередь должно проявлять заботу правительство ⁷⁸. Лев настойчиво подчеркивает общность интересов стратиотов и земледельцев и выражает намерение строго соблюдать эти интересы ⁷⁹.

Строго говоря, византийская армия не являлась «национальной» в том смысле слова, ибо формировалась из представителей различных национальностей, проживающих на территории империи. Многонациональный состав населения был фактом, с которым правительство не могло не считаться. «Тактика Льва» не делает намеков на предпочтение одних национальностей в ущерб интересам других. Она повсюду говорит о стратиотах в целом, хотя и содержит некоторые косвенные указания на то, что в армии имелись представители различных национальностей, в том числе и тех, с которыми могла вестись война ⁸⁰.

Уделяя большое внимание вопросам религиозного воспитания воинов ⁸¹, автор «Тактики» вместе с тем далек от мысли насаждать в армии религиозный фанатизм, ненависть к «инаковерующим». В конечном итоге эта тенденция объясняется теми же особенностями человеческого материала, с которыми имели дело военные теоретики и практики. Следствием многонационального характера государства была известная веротерпимость, особенно заметная в сравнении с религиозной политикой соседей и позднейших противников Византии. Поэтому религиозная пропаганда в византийской армии не составляла основу идеологического воспитания, но являлась лишь его составным элементом.

Таким образом, «Тактика Льва» дает нам достаточно ясное представление о фемной военной организации. Естественно, что мы не можем воссоздать полную и всестороннюю картину этой организации на основании *только одних* сведений «Тактики», поскольку Лев обращался к своему современнику и вовсе не ставил своей задачей ее детальное обоснование. В условиях, когда фемная военная организация была обычным, повседневным фактором, Лев и не мог писать иначе, напротив, сугубая внимательность Льва к проблемам фемного строя была необъяснимой и настоятельной. Поэтому известия Льва о фемном строе приобретают значительную ценность лишь при сопоставлении с аналогичными сведениями других источников. В процессе этого сравнения представляется возможным выявить целый ряд уникальных сообщений, содержащихся в трактате.

Важно отметить, что Лев не только констатирует наличие фемных порядков, но и дает важные указания о *степени их развития*. Им зафиксировано начало широкой экономической экспансии фемных архонтов против имущества и личности рядовых стратиотов ⁸², с которой императоры Македонской династии пытались безуспешно бороться в течение последующих десятилетий. «Тактика», говоря о бедных стратиотах, не имеющих средств на экипировку, отмечает экономический упадок значительной части стратиотских хозяйств. Одновременно сказано о праве богатых жителей фемы откупиться от военной службы, снарядив вместо себя на свои средства другого конного стратиота из числа обедневших ⁸³. Отмечены и другие процессы, подрывающие основы фемного строя. Укрепляющая свои позиции военно-служилая знать усиленно выдвигается на руководящие посты в армии, и Лев вполне определенно высказывается в пользу назначения на архонтские должности людей богатых, способных использовать свое материальное положение для укрепления влияния на стратиотов ⁸⁴.

⁷⁸ TL, XI, 11, col. 794 D-796 A.

⁷⁹ TL, IX, 15, col. 772 B.

⁸⁰ TL, XIII, 5, col. 844 D.

⁸¹ TL, XII, 5; XIII, 1; XIV, 1; XVI, 2 и т. д.

⁸² TL, XIII, 26, col. 768 A-B.

⁸³ TL, XX, 205, col. 1069 A-B.

⁸⁴ TL, IV, 3, col. 700 B-C.

Растет роль военного совета при полководце, состоящего из представителей династического сословия⁸⁵.

Следовательно, «Тактика Льва» является документом особого, высшего этапа в развитии фемного строя, когда все его институты получают окончательное завершение и когда уже начинают проявляться симптомы его приближающегося упадка.

Вместе с тем следует со всей определенностью подчеркнуть, что зафиксированная в «Тактике» ступень развития византийской военной организации не дает оснований характеризовать армию IX—X вв. как армию феодального типа. Зарождающиеся в армии феодальные институты пока не наложили существенного отпечатка на ее облик, и по своему характеру эта армия еще соответствует основным принципам фемного строя.

ПРИЧИНЫ ЗАВИСИМОСТИ «ТАКТИКИ ЛЬВА» ОТ «СТРАТЕГИКОНА»

Как объяснить тот факт, что именно «Стратегикон» был использован Львом в качестве основы его сочинения? Конечно, немаловажным является обстоятельство наибольшей близости времени создания «Стратегикона» к периоду жизни Льва. Как известно, в цепи византийской военной традиции имеется длительный перерыв между «Стратегиконом» (рубеж VI—VII вв.) и «Тактикой» (рубеж IX—X вв.). Приступая к созданию своего труда и занявшись поисками письменных источников, Лев вполне естественно обратил свое внимание на самое последнее, «новое» произведение подобного рода. Однако главная причина тесной зависимости «Тактики» от «Стратегикона» заключается в том, что оба эти трактата отражают сущность одного и того же хронологически длительного этапа в развитии византийской военной организации — сущность военной организации периода фемного строя. Разумеется, о сколько-нибудь отчетливом оформлении фемных институтов на рубеже VI—VII вв. говорить не приходится. Фемный строй в это время только начинает складываться. Однако армия, с которой имел дело автор «Стратегикона», уже приобрела специфический облик иррегулярного народного ополчения, т. е. тот облик, который она сохраняла в течение всего периода существования фемного строя.

На протяжении трех столетий, разделяющих трактаты, материальная основа византийских вооруженных сил не претерпела существенных изменений. Автор «Стратегикона» и автор «Тактики» были в известном смысле слова современниками, ибо имели дело почти с одними и теми же исходными данными, какими были материально-техническая база и характер людских ресурсов византийского войска. Именно на этой почве выросло то общее, что объединяет оба трактата.

Однако их авторы были очевидцами полярно противоположных ступеней развития фемного строя. Если автор «Стратегикона» стоял у истоков этой организации, то Лев был свидетелем ее полного и логического завершения. Отсюда те существенные различия, которые имеются в рассматриваемых трактатах.

Длительное господство фемных порядков привело к консервации вооруженных сил Византии. Между «Стратегиконом» и «Тактикой» имеется длительный *хронологический* перерыв. Но между этими трактатами не ощущается сколько-нибудь значительного *логического* перерыва. За этот период существенных изменений в военной организации раннефеодальной Византии не произошло, и пока была неизменной социально-экономическая основа фемной организации, вооруженные силы империи могли строиться на принципах, заложенных «Стратегиконом».

⁸⁵ В трактате Льва совету посвящена специальная глава (глава III), много говорится о нем и в других главах. В «Стратегиконе» упоминания о совете имеют эпизодический характер (Strategicon, VII, 9, p. 142; VIII, 5, p. 185).